

Научная статья

УДК: 331.5.024.5; 331.215.53; 364.22

DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136

ИНСТИТУТЫ РЫНКА ТРУДА В СИСТЕМЕ ГОСУПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА РАБОТАЮЩИХ БЕДНЫХ

Вишневская Нина Тимофеевна¹,

Зудина Анна Алексеевна²

^{1,2} Центр трудовых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Адрес: 109028, Российская Федерация, г. Москва, Покровский бульвар, 11.

¹ Кандидат экономических наук, директор;

vishnev@hse.ru; ORCID: 0000-0001-9977-7300

² Кандидат социологических наук, научный сотрудник;

azudina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-9004-0107

Аннотация. Бедность остается одной из актуальных социальных проблем во всем мире, и Россия здесь не является исключением. Самая распространенная причина бедности – дефицит доходов, однако не всегда трудоустройство и получение заработной платы гарантируют выход семьи из состояния бедности. Цель настоящей работы – систематизация зарубежных и российских научных исследований, посвященных изучению причин и механизмов появления «работающих бедных». В ней представлен комплексный взгляд на бедность как на проблему рынка труда, в основе которой лежит как недостаток рабочих мест, так и их низкое качество. Особое внимание уделено взаимосвязи бедности и отдельных институтов рынка труда – законодательству о занятости и минимальной заработной плате. В тех странах, где уровень занятости населения и вовлеченность в занятость домохозяйств традиционно высоки (к ним относится и Россия), принципиальным вопросом политики по борьбе с бедностью становится качество занятости и, прежде всего, сокращение низкооплачиваемых рабочих мест. Однако многие низкооплачиваемые занятые могут проживать в «небедных» домохозяйствах. Верно и обратное: во многих бедных домохозяйствах нет низкооплачиваемых работников, их бедность объясняется другими, не связанными с рынком труда причинами (прежде всего составом и размером домохозяйства). Поэтому, как демонстрирует опыт многих стран, повышение минимального размера оплаты труда, как правило, не может стать единственным инструментом сокращения бедности.

Ключевые слова: бедность, работающие бедные, институты рынка труда, законодательство о защите занятости, минимальная заработка плата, низкооплачиваемая занятость.

Для цитирования: Вишневская Н.Т., Зудина А.А. Институты рынка труда в системе госуправления и проблема работающих бедных // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 2. С. 115–136. DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136.

*Исследование осуществлено в рамках Программы
фундаментальных исследований Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики».*

Original article

LABOUR MARKET INSTITUTIONS IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM AND THE PROBLEM OF THE WORKING POOR

Nina T. Vishnevskaya¹, Anna A. Zudina²

^{1,2} Center for Labour Market Studies, National Research University
Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia.

¹ Ph.D (in Economics), Director; vishnev@hse.ru; ORCID: 0000-0001-9977-7300

² Ph.D (in Sociology), Research Fellow; azudina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-9004-0107

Abstract. Poverty remains one of the pressing social problems of the modern world, and Russia is no exception. The most common cause of poverty is a shortage of income; however, employment and wages do not always guarantee that a family will escape poverty. The purpose of this paper is to systematize foreign and Russian scientific research devoted to the study of the causes and mechanisms of the emergence of the “working poor”. It presents a comprehensive view of poverty as a labor market problem, which is based on both the lack of jobs and their poor quality. Special attention is paid to the relationship between poverty and certain labor market institutions – employment protection legislation and minimum wages. In countries where the level of employment and involvement of households in employment is traditionally high (including Russia), the quality of employment and, above all, the reduction of low-paid employment becomes a fundamental issue of poverty reduction policy. However, in this case it should be taken into account that many low-paid employed people live in “non-poor” households. The opposite is also true: many poor households do not have low-paid workers, their poverty is due to other reasons not related to the labor market (first of all, the composition and size of the household). Therefore, as the experience of many countries shows, raising the minimum wage, as a rule, cannot be the only tool to reduce poverty.

Keywords: poverty, in-work poverty, labour market institutions, employment protection legislation, minimum wages, low-paid employment.

For citation: Vishnevskaya, N.T., and Zudina, A.A. (2025) 'Labour market institutions in the public administration system and the problem of the working poor', *Public Administration Issues*, (2), pp. 115–136. (In Russian). DOI:10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136.

JEL Classification: I30; I38; J20; J22; J31; J42.

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Самая распространенная причина бедности состоит в дефиците доходов, при этом потеря работы зачастую означает прямой путь к бедности. В связи с этим в настоящее время среди части исследователей и политиков все популярнее точка зрения, согласно которой государству следует оказывать материальную поддержку только тем группам населения, которые не могут работать (инвалиды, дети), в отношении же других категорий стимулирование мотивации к занятости рассматривается в качестве основного инструмента решения проблем неимущих¹.

Уязвимость подобного подхода заключается в том, что трудоустройство и получение заработной платы далеко не всегда гарантируют выход семьи из состояния бедности. Поэтому вопросы, в какой степени занятость в принципе позволяет избежать бедности и как различные характеристики рабочих мест и рынка труда в целом влияют на этот феномен, остаются дискуссионными.

Цель настоящей статьи – комплексный аналитический обзор российских и зарубежных эмпирических исследований, посвященных как причинам бедности среди работающего населения, так и влиянию ключевых государственных институтов, в том числе системы социальной защиты, минимальной заработной платы и законодательства о защите занятости, на решение проблемы бедности, направленный на изучение эффективности основных мер по борьбе с бедностью и уточнение необходимых направлений соответствующей политики. Проблема работающих бедных исследовалась на примере отдельных стран ОЭСР с различным уровнем развития, что обеспечило возможность сопоставления особенностей разных подходов к решению этой проблемы. Также большое внимание было уделено изучению российского опыта.

¹ Ярким примером является ключевая программа по борьбе с бедностью в США «Earned Income Tax Credit (EITC)», для получения возмещаемой налоговой льготы в рамках которой необходимо наличие трудового дохода.

Почему занятость не всегда является панацеей от бедности

Бедность продолжает оставаться одной из острых социальных проблем современного мира. В России наблюдается тенденция к сокращению показателя бедности – за период 2019–2023 гг. доля населения со среднедушевыми денежными доходами ниже прожиточного минимума (далее также – ПМ) снизилась с 12,4% до 8,3%², однако эта проблема по-прежнему актуальна. Так, по данным Росстата, в третьем квартале 2024 г. к бедным можно было отнести 11,8 млн россиян, что составляет почти 9% от общей численности населения страны³.

Не теряет свою актуальность проблема бедности и в зарубежных странах. В 2020–2023 гг. уровень бедности в Европейском союзе составлял около 16%, при этом в таких странах, как Испания, Эстония, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Черногория и Турция, он превышал 20%⁴.

Риски бедности, что вполне ожидаемо, оказываются выше среди тех домохозяйств, в составе которых нет работающих (McKnight et al., 2016; Eurofound, 2017); в свою очередь, потеря работы и безработица также повышают вероятность бедности (Александрова и др., 2003; Frazer, Marlier, 2010). От потери работы одного из своих членов страдают, в том числе, те семьи, которые по своим доходам балансируют на грани бедности, переходя из категории «работающих бедных» в категорию «неработающих, но тоже бедных» (UN, 2010). К примеру, в середине 2000-х гг. риск бедности в странах ОЭСР в среднем был в три раза выше для домохозяйств, не имевших в своем составе занятых. В свою очередь, 37% всех живущих в «бездейственных» домохозяйствах являлись бедными, что в пять раз превышало соответствующий показатель среди домохозяйств, в состав которых входил хотя бы один занятый (OECD, 2009). В России в 2000-е гг. более половины неработающих трудоспособных, которые при этом не искали работу, проживали в бедных домохозяйствах (Овчарова, 2012). Во Франции в 2013 г. доля бедных домохозяйств среди семей с детьми, в составе которых не было ни одного работающего члена, составляла около 63%; для сравнения, соответствующая доля бедных домохозяйств среди семей с одним работающим – немногим более 20%, а с двумя работающими – около 5% (Carcillo et al., 2017). Таким образом, наличие двух и более работающих в составе домохозяйства является важнейшим фактором возможности выхода из бедности (Jara Tamayo, Popova, 2021).

Несмотря на то, что одной из основных причин бедности является отсутствие работы, опыт последних десятилетий показывает, что взаимосвязь между уровнями занятости и безработицы с одной стороны и со-

² Официальная статистика Росстата. Раздел «Неравенство и бедность». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.05.2025).

³ Официальные публикации Росстата. О значении границ бедности и численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в III квартале 2024 года в целом по Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/190_11-12-2024.html (дата обращения: 01.05.2025).

⁴ Eurostat. EU Statistics on Income and Living Conditions. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения: 01.05.2025).

кращением бедности с другой не является прямолинейной. Так, рост безработицы может не привести к автоматическому увеличению показателя бедности населения, если государство сглаживает экономический шок потери заработка через систему пособий либо если семья сохраняет достаточный уровень доходов за счет других своих членов. Наглядным примером является ситуация в таких странах континентальной Европы, как Дания, Финляндия, Франция и Италия, в которых в конце 1970-х – начале 1990-х гг. массовое увеличение числа безработных не привело к сопоставимому росту бедных (Atkinson, 1998).

При этом и наличие оплачиваемой работы отнюдь не обязательно спасает людей от риска оказаться за чертой бедности. На протяжении долгого времени бедность среди работающих считалась исключительным атрибутом стран с либеральной экономикой с характерным для нее низким уровнем защиты занятости, однако позднее было обнаружено, что она наблюдается практически во всех развитых странах (Hick, Marx, 2022). В 2015–2023 гг. доля работающих бедных в общей численности занятых в странах ЕС старше 18 лет составляла 8–9%, и за средними цифрами скрывается значительная межстрановая дифференциация. Самая низкая доля бедных среди тех, кто имеет работу, была зафиксирована в Финляндии (2,5–3%), а самая высокая – в Румынии и Люксембурге (около 15%)⁵. При этом в числе лидеров по данному показателю традиционно остаются США (около 14%) (Hick, Marx, 2022). Для сравнения, Россия относится к числу стран с относительно низкими показателями бедности среди работающих – доля проживающих в малоимущих домохозяйствах в общей численности занятых в 2015–2022 гг. варьировалась от 8 до 4% соответственно и устойчиво сокращалась⁶.

Тем не менее занятость является важным атрибутом российской бедности – по данным Росстата, почти 54% всех малоимущих в 2022 г. находились в трудоспособном возрасте (для сравнения, доля малоимущих старше трудоспособного возраста – немногим менее 7%), а 45% всех малоимущих имели работу⁷. Среди тех, кто находится в так называемой зоне риска бедности в России (с доходами, немного превышающими прожиточный минимум), наиболее уязвимыми также оказываются работающие молодые родители, занятые на низкооплачиваемых рабочих местах, и работники старшего трудоспособного возраста (Разумов, Селиванова, 2022; Селиванова, Разумов, 2023).

Необходимость учета статуса занятости малоимущих нашла свое выражение и в изменении методологии измерения бедности. Так, в 2020-е гг. в странах Европейского союза получил распространение «многомерный» подход, который, согласно рекомендациям Евростата, включает помимо

⁵ Eurostat. EU Statistics on Income and Living Conditions. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения: 01.05.2025).

⁶ Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности». Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 01.05.2025).

⁷ Официальная статистика Росстата. Раздел «Уровень жизни». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.05.2025).

непосредственно денежного уровня бедности (определенного на уровне 60% от медианного располагаемого дохода⁸) также такие индикаторы, как наличие социальной депривации и низкую интенсивность труда – показатель AROPE⁹ (At Risk of Poverty or Social Exclusion). Исходя из данного определения, доля европейцев, живущих в условиях бедности или депривации, в 2023 г. составляла около 23% всего населения (более 94 млн человек), варьируясь от 12 до 14% в Чехии и Словении до 30% и более в Румынии и Болгарии¹⁰. В декабре 2024 г. Росстат также впервые представил показатель доли «мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в бедности во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям»¹¹, методология расчета которого опирается на наличие таких характеристик, как денежный доход ниже величины прожиточного минимума, материальные депривации и низкая интенсивность занятости, однако в настоящий момент он позволяет оценить только структуру малоимущих по данным составляющим.

Аналогично тому, как увеличение роста показателя безработицы может не сопровождаться увеличением доли бедных, рост уровня занятости может не приводить к снижению показателя бедности (Cantillon, 2011). В 2004–2008 гг. в европейских странах наблюдалась поляризация между «работающими бедными» и «работающими богатыми» домохозяйствами. По мере того как наличие второй зарплаты в семье все больше становилось необходимостью для поддержания достойного уровня жизни, количество и доля домохозяйств, в которых работают оба супруга, возрастило, в то же время число домохозяйств, в составе которых нет ни одного занятого, оставалось неизменным (McKnight et al., 2016).

В тех странах, где вовлеченность в занятость традиционно высока (к ним относится и Россия), основной причиной появления работающих бедных является качество рабочих мест и уровень оплаты труда. На бедность занятых влияют как параметры занимаемых ими рабочих мест (низкопроизводительные рабочие места, невысокая оплата труда и нестабильный, временный характер занятости, самозанятость), так и состав домохозяйства, а также конфигурация государственной системы поддержки бедных. Однако связь между невысокой зарплатой и бедностью не является прямой. Поскольку показатели бедности рассчитываются на уровне домохозяйств, низкооплачиваемая занятость может не приводить к росту бедности при условии достаточных доходов других членов семьи (Maître et al., 2018). Более того, при определенных условиях для молодежи и работников с невысоким уровнем образования низкооплачиваемая занятость нередко становится «точкой входа» на рынок труда, временной работой,

⁸ Eurostat. EU Statistics Explained. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/> (дата обращения: 01.05.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Eurostat. EU Statistics on Income and Living Conditions. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/> (дата обращения: 01.05.2025).

¹¹ Официальная статистика Росстата. Раздел «Уровень жизни». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 01.05.2025).

позволяющей в дальнейшем перейти на рабочие места с более высокой зарплатой и возможностями продвижения по карьерной лестнице. Подобная ситуация характеризует рынки труда Австрии, Болгарии, Словакии, Латвии и Чехии (в противоположность Великобритании, Румынии и Нидерландам, где низкооплачиваемая занятость, наоборот, увеличивает вероятность последующей безработицы (McKnight et al., 2016)).

Основные факторы бедности среди занятых

Для эффективного построения государственной политики, направленной на снижение бедности, необходимо получить ответ на вопросы, является ли причиной бедности среди работающего населения низкая заработка плата или их состояние бедности объясняется причинами социально-демографического характера (например, иждивенческой нагрузкой¹²)?

Прежде всего отметим, что работающие бедные не обязательно являются низкооплачиваемыми работниками. Применительно к рынку труда США неочевидность связи между уровнем заработков и уровнем доходов домохозяйств была впервые сформулирована Дж. Стиглером, охарактеризовавшим ее как весьма опосредованную (Stigler, 1946). Поскольку низкая оплата является атрибутом индивида, в то время как бедность – характеристика домохозяйства, положение работающих бедных определяется не только их индивидуальной заработной платой (зависящей в числе прочего и от отрасли, предприятия и типа занятости), но и размером, составом и расходами домохозяйства, иждивенческой нагрузкой, заработками и нетрудовыми доходами (пособия, пенсии) других членов семьи (Leigh, 2007). Часовые заработки работающих бедных сами по себе вовсе не обязательно находятся в самом низу зарплатной лестницы. Однако их может не хватать для того, чтобы обеспечивать семью, в которой больше никто не работает (Marx et al., 2013).

Относительное влияние индивидуальных характеристик и атрибутов домохозяйств на положение работающих бедных варьируется между странами в зависимости от особенностей занятости, структуры заработных плат и состава домохозяйств. Так, наличие детей в три раза увеличивает вероятность бедности среди занятых одиноких родителей в таких странах, как Хорватия, Мальта, Бельгия, Литва и Болгария. Аналогично возрастают риски бедности для работающих супружеских пар в Литве, Мальте и Люксембурге (McKnight et al., 2016).

Существует целый ряд факторов, которые увеличивают риски бедности среди работающих: прежде всего, это временный характер трудового контракта, неполная и частичная занятость. Обладатели подобных рабочих мест чаще теряют работу, чаще сталкиваются с вынужденными неоплачиваемыми отпусками, сокращением или задержкой зарплаты (Аникин, Слободенюк, 2021). Однако даже постоянный контракт и полная занятость не мо-

¹² Под ней, как правило, понимается соотношение работающих и неработающих членов домохозяйства.

гут стать защитой от бедности в тех случаях, когда рабочие места относятся к уязвимым секторам экономики. Низкооплачиваемые работники могут составлять в среднем от 30% (Греция) до 80% (Германия) всех работающих на условиях полной занятости и при этом находиться за чертой бедности (McKnight et al., 2016).

Дифференциация в зарплатах, а также наличие значительного числа низкооплачиваемых рабочих мест являются факторами риска бедности среди работающих и в России. В то же время следует отметить существенное сокращение числа работающих бедных в нашей стране начиная с середины 2000-х гг. Так, в период с 2005 до 2017 гг. в России доля работающих бедных, по данным выборочного исследования Росстата, снизилась с 24,4 до 7,3%, т.е. примерно в три раза, а их численность, соответственно, упала с 8 млн до 2 млн человек (Работающие бедные в России и за рубежом, 2017). Причиной этого стали высокие темпы роста заработных плат, характерные для периодов быстрого экономического подъема.

Примечательна и отраслевая концентрация работающих бедных в России. Так, в 2021 г. большинство работающих бедных было занято в отраслях непроизводственной сферы: культуре и организации досуга (6,6% общей численности занятых по данному виду экономической деятельности), администрации и сопутствующим услугам (6,5%), образовании (6,0%), гостиничном бизнесе и на предприятиях общественного питания (5,8%), в рыболовстве и рыбоводстве (4,2%), при этом доля была минимальна среди занятых в производстве кокса и нефтепродуктов, а также в металлургии (по 0,1%) (Селиванова, Разумов, 2023).

Анализируя влияние низкой заработной платы на бедность, следует подчеркнуть, что сами низкооплачиваемые работники могут проживать как в бедных, так и в богатых домохозяйствах. Так, в 2000-х гг. большинство низкооплачиваемых работников в странах ОЭСР не являлись бедными – к бедным домохозяйствам относились менее 10% всех низкооплачиваемых работников (OECD 2009).

Данные австралийского панельного обследования HILDA за 2016 г. также показали, что низкооплачиваемые работники, получающие, согласно общепринятому определению¹³, не более двух третей медианной заработной платы, составляют меньшинство нижней части распределения доходов домохозяйств. При этом почти половина низкооплачиваемых работников по уровню доходов своих домохозяйств относилась к верхним 50% распределения, а более 13% – к двум верхним децилям (Australian Government, 2017).

¹³ Несмотря на наличие устоявшейся международной традиции определения низкооплачиваемой занятости при помощи порога в две трети от медианного дохода, в исследованиях могут встречаться и другие подходы. Так, в фокусе некоторых работ находятся получатели минимальной зарплаты, в других анализируются работники, чья заработка плата или доходы соответствуют нижним децилям или квинтилям соответствующих распределений (см. подробнее: Lucifora et al., 2005). В этом отношении недостатком общепринятого подхода является относительный характер порога в две трети от медианного дохода, который негативно отражается на его эффективности в решении проблемы бедности.

Значение государственных и внутрисемейных трансфертов

Какова роль государственных институтов в решении проблемы бедности? Остановимся, прежде всего, на системе социальной защиты.

В странах ОЭСР важную роль в снижении уровня бедности играют государственные социальные пособия и субсидии, обычно выплачиваемые в денежной форме, которые могут существенно, вплоть до половины, снижать показатель бедности среди трудоспособного населения (OECD, 2009a).

Однако одним из недостатков применяемой в отдельных развитых странах системы доплат работающим бедным является уменьшение социальных выплат по мере роста их доходов. Подобный подход снижает мотивацию к поиску работы с полным рабочим днем, а также к повышению квалификации. Именно поэтому одна из острых проблем, которая возникает при выработке мер, направленных на сокращение бедности, это необходимость выстраивания такой системы помощи, которая, с одной стороны, оказывает эффективную материальную поддержку неимущим, а с другой стороны, не подрывает стимулы к участию в занятости. Комбинация государственных финансовых мер поддержки с программами активной политики на рынке труда представляется более перспективным направлением в борьбе с бедностью среди работающих, однако ее основным недостатком является необходимость значительных государственных затрат на реализацию (Hick, Marx, 2022).

Внутрисемейные денежные трансферты также играют важную роль в сокращении бедности. Подобные трансферты получили особенно широкое распространение в странах Южной Европы с ее сложившейся много-поколенной структурой домохозяйств, однако они наблюдаются и в менее традиционных обществах (McKnight et al., 2016). К примеру, часть низкооплачиваемых работников могут составлять студенты, которых содержат родители, и потому по общему уровню дохода своих домохозяйств они не попадают в категорию бедных (Australian Government, 2017). Тем не менее риски бедности всегда будут выше в домохозяйствах с одним занятым, имеющим низкооплачиваемую работу, по сравнению с домохозяйствами, имеющими в своем составе нескольких работающих (McKnight et al., 2016; Maître et al., 2018; Hick, Marx, 2022).

Законодательство о защите занятости и проблема бедности

Описанные выше рассогласования между категориями работающих бедных и низкооплачиваемых работников демонстрируют, что любая политика по борьбе с бедностью, направленная только на незанятых или только на низкооплачиваемых работников, игнорирует значительную часть работающих бедных, так как недооценивает многообразие причин бедности. Наглядным примером станет обсуждение эффектов институтов рынка труда на бедность среди работающих, прежде всего законов о труде и минимальной заработной платы.

Сторонники флексibilизации рынка труда, к которым относятся Международный валютный фонд (МВФ) и Организация экономическо-

го сотрудничества и развития (ОЭСР), регулярно указывают на необходимость облегчения процедур найма и увольнения (см, например: Eberts, Giguère, 2009). При этом законодательство о защите занятости воспринимается в качестве одного из ключевых элементов рынка труда, затрудняющих борьбу с бедностью. Данный институт, направленный на защиту зарплаты и занятости работающих, увеличивает издержки увольнения для работодателей, что приводит к увеличению цены труда и сокращению спроса на труд. В свою очередь, это может способствовать росту безработицы, увеличению предложения труда в неформальном секторе и сокращению трудовых доходов, тем самым увеличивая показатели бедности населения (World Bank, 1990; Gindling, 2018), в особенности среди молодежи и низкоквалифицированных работников (Neumark, 2014; Australian Government, 2017). Отмеченное в многочисленных эмпирических работах негативное влияние различных денежных выплат (пособий по безработице и бедности, а также выходного пособия) на интенсивность поиска работы также служит обоснованием необходимости сокращения их продолжительности и размера, а значит, и периода поиска работы (см. подробнее: Вишневская, Зудина, 2020).

Однако существующие исследования констатируют, что именно либерализация рынка труда в развитых странах, напротив, стала одним из важнейших факторов увеличения числа работающих бедных и растущего неравенства в заработках (UN 2010). Не получило эмпирического подтверждения и предположение о том, что уменьшение пособий по безработице, а также сокращение прав работников при увольнении приведет к росту уровня занятости (UN, 2010). Политика повышения гибкости занятости выталкивает безработных на незащищенные и бесперспективные рабочие места без гарантий занятости и возможностей дополнительного обучения и внутрифирменного продвижения. Тем самым они лишь перемещаются из одной категории бедных – не имеющих работу – в другую, к которой относятся работающие бедные (Atkinson, 1998; UN 2010).

В развивающихся странах, где значительная часть рабочей силы сосредоточена в неформальном секторе, реформирование трудового законодательства лишь стимулирует перетоки рабочей силы из формального в неформальный сектор. При этом уровень безработицы остается низким из-за отсутствия программ поддержки, позволяющих искать работу в данном статусе. В результате безработные составляют небольшую долю от всех бедных, а большинство бедных имеет работу.

Минимальная заработная плата как инструмент сокращения бедности

Трудовые заработки являются основным источником доходов работающих бедных. В 2022 г. в России у всех российских домохозяйств на доход от трудовой деятельности приходилось более 78% от всех денежных доходов, среди бедных домохозяйств этот показатель был ниже и составлял 61%, при этом доля доходов от оплаты труда составила немногим менее 53% про-

тив 72% среди всего населения¹⁴. Часть политиков рассматривает повышение минимальной заработной платы (далее – МЗП) в качестве одного из важных инструментов борьбы с бедностью. Однако следует подчеркнуть, что результаты международных исследований демонстрируют неоднозначную связь между МЗП, с одной стороны, и показателями бедности и низкооплачиваемой занятости, с другой. Специфика влияния этого института на бедность зависит от многих факторов, а именно: состава работающих бедных, условий предоставления государственных пособий, соотношения МЗП и уровня бедности, эластичности спроса на труд, а также внутрисемейных денежных трансфертов. МЗП может быть действенным способом повышения уровня жизни только при определенных условиях – концентрации значительного числа низкооплачиваемых работников в бедных домохозяйствах и их полной занятости на рынке труда (OECD, 2009; Hick, Marx, 2022).

Повышение МЗП может не привести к снижению показателя низкооплачиваемой занятости, так как последняя определяется при помощи порога в две трети медианных заработка, который во многих странах, как правило, превышает уровень МЗП (McKnight et al., 2016). Увеличение почасовой зарплаты низкооплачиваемых работников также не всегда сопровождается одновременным ростом годовых заработка, поскольку среди таких занятых выше риски потери работы, а значит, и перерывов в занятости (Wooden et al., 2007). Рост МЗП не изменит и положение тех, кто занят на временных рабочих местах (Australian Government, 2017). В странах ОЭСР в 2000-е гг. среди всех взрослых, проживающих в бедных домохозяйствах, немногим менее 20% имели работу с полной занятостью, в то время как почти 70% в среднем работали лишь шесть месяцев в году или меньше. Для сравнения, доля последних среди взрослых из «небедных» домохозяйств составляла лишь 25%, в то время как более половины работали на условиях полной занятости. В свою очередь, более половины всех работающих бедных в странах ОЭСР были заняты менее шести месяцев в году (OECD, 2009). Одна из причин слабого влияния повышения МЗП на бедность в том, что большую часть низкооплачиваемых работников, проживающих в бедных домохозяйствах, составляют получатели пособия по бедности (Wooden et al., 2007). Их неполная (и потому низкооплачиваемая) занятость обусловлена тем, что наличие работы является необходимым условием получения денежных выплат, а размер государственных денежных трансфертов снижается по мере увеличения рабочего времени. Поэтому данная категория низкооплачиваемых работников остается нечувствительной к позитивным последствиям роста МЗП, оставаясь в ситуации так называемой «ловушки бедности». Неполное рабочее время позволяет им сочетать получение небольшого трудового дохода и пособия, по сравнению с которым полная занятость не представляется привлекательной альтернативой.

Рост МЗП также не решает проблемы бедности тех, кто находится в этой ситуации из-за комбинации различных, в том числе не связанных

¹⁴ Официальная статистика Росстата. Раздел «Уровень жизни». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.05.2025).

с занятостью, причин. К примеру, она не будет одинаково эффективно способствовать снижению бедности среди одиноких работающих родителей с детьми и среди бездетных занятых, несмотря на то что именно первые характеризуются более высокими рисками бедности (Leigh, 2007; OECD, 2009; APPG, 2022).

Незначительное влияние повышения МЗП на показатели бедности находит свое подтверждение и при использовании метода симуляций. Согласно исследованию в Новой Зеландии (Maloney and Pacheco, 2012), увеличение МЗП на 10% может привести к снижению уровня относительной бедности менее чем на одну десятую процентного пункта. Анализ данных австралийского обследования доходов и обеспеченности жильем (Survey of Income and Housing) за 1994–1995 и 2002–2003 гг. также показал, что повышение МЗП не способствовало значительному снижению неравенства домохозяйств по доходам (Leigh, 2007), что согласуется с результатами исследований, проведенных в Бразилии (Neumark et al., 2003), Германии (Müller, Steiner, 2008; Knabe, Schöb, 2011), Бельгии (Marx et al., 2013) и Великобритании (Sutherland, 2001).

Также следует отметить, что повышение МЗП сопряжено с избыточными издержками, так как большинство получателей МЗП не являются бедными – они сосредоточены в домохозяйствах со средними доходами (Leigh, 2007). Подобный вывод верен и для нашей страны. В 2021 г. две трети получателей минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) проживали в домохозяйствах, которые не относились к бедным. Как правило, получатели МРОТ являются дополнительными работниками в домохозяйствах, где есть другие занятые или иные источники дохода (например, пенсии). Получатели МРОТ редко являются основными кормильцами или единственными занятыми в семье, поэтому повышение МРОТ имеет ограниченное воздействие на уровень бедности населения (Лукьянова, 2023). Вместе с тем говорить о том, что повышение минимальной заработной платы вообще не приводит к сокращению бедности среди работающих, было бы неверным. Позитивный эффект выше в тех странах, где МЗП изначально располагается на низком уровне, способствуя сокращению неравенства в распределении доходов (бывшие социалистические страны Европы) (Herman, 2014), а также там, где МЗП находится ниже средних заработков, как в Бразилии, Мексике и Китае. В этом случае повышение минимальной оплаты труда улучшает положение работников, располагающихся в нижней части распределения доходов (Gindling, 2018).

Одним из недостатков МЗП как инструмента борьбы с бедностью является то, что она не позволяет учитывать структуру и размер домохозяйства. Ядро работающих бедных в странах ОЭСР составляют «единственные кормильцы» в семье («sole earners»), и одной работы с полной занятостью и минимальной зарплатой может быть недостаточно для того, чтобы домохозяйство, состоящее из супружеской пары с детьми, смогло выбраться из бедности (McKnight et al., 2016; Jara Tamayo, Popova, 2021).

Эффективность МЗП в качестве способа борьбы с бедностью ставится под сомнение и в развивающихся странах. Несмотря на то, что ее повыше-

ние в целом коррелирует со снижением уровня бедности, размер эффекта зачастую либо мал, либо незначим. Причины связаны как с масштабной неформальной занятостью, аккумулирующей большую часть рабочей силы, так и с более низкими границами бедности, из-за которых получатели МЗП зачастую не являются наиболее нуждающимися (Lustig, McLeod, 1997). Так, уровень заработков более половины всех наемных работников в Кении, Танзании и Южной Африке располагается ниже границы МЗП, а труд самозанятых и неоплачиваемых работников семейных предприятий никак не регулируется минимальным порогом, установленным для формальной наемной занятости (Gindling, 2018; Hick, Marx, 2022). Среди работающих бедных, занятых в формальном секторе (в особенности среди молодежи, женщин и наименее образованных работников), повышение МЗП может также привести к потере работы или переходу на низкооплачиваемые рабочие места, а значит, к усугублению их материального положения.

После мирового кризиса 2008–2009 гг. во многих странах отношение к МЗП как к инструменту поддержания доходов занятого населения подверглось серьезному пересмотру.

Во-первых, расширился круг стран, применяющих этот инструмент. В настоящее время институт МЗП действует в девяти из каждых десяти стран (ILO, 2020). К пулу стран, устанавливающих минимальный порог оплаты труда на законодательном уровне, присоединились Германия и Великобритания, которые долгое время отказывались от подобной практики.

Во-вторых, в последние годы наблюдается усложнение круга задач, которые ставятся перед политикой МЗП. С помощью регулирования минимальной оплаты труда пытаются не только смягчить проблему бедности, но и снизить нагрузку на государственную систему социальной поддержки, обеспечить инклюзивный экономический рост. Вопрос о негативном влиянии повышения МЗП на занятость отходит на второй план, если одновременно происходит рост доходов низкооплачиваемых работников, улучшается качество рабочих мест и наблюдается выход на рынок труда экономически неактивного населения (OECD, 2022). В-третьих, в последние годы появился целый ряд работ, которые доказывают, что повышение МЗП зачастую не оказывает негативного влияния на цены. Так, по оценкам экспертов Международной организации труда (МОТ), в Великобритании повышение минимальной заработной платы на 20% в начале 2020-х гг. привело к росту инфляции всего на 0,2% (Cazes, Garnero, 2023).

В-четвертых, в последние годы наблюдается снижение чувствительности общей занятости к корректировке размера МЗП. В контексте России среди причин, ослабивших связь между этими двумя показателями, следует отметить растущий дефицит рабочей силы, снижение миграционных потоков, частичную мобилизацию, а также резкий рост социальных трансфертов. В 2023–2024 гг. безработица достигла исторического минимума, опустившись до 2,5%¹⁵, тем самым перестав быть источником дополнительных

¹⁵ Официальная статистика Росстата. Раздел «Трудовые ресурсы, занятость и безработица». URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.05.2025).

людских ресурсов. Дефицит рабочей силы сам по себе способствует росту оплаты труда, поэтому повышение МРОТ в определенной мере абсорбируется трендом растущих заработных плат (Neumark, Shirley, 2022).

В то же время в России имеется группа населения, в наибольшей степени чувствительная к динамике МРОТ. Речь идет о лицах старшего, в первую очередь, пенсионного возраста, среди которых особенно высока доля получателей минимальной заработной платы. Среди работников старше 65 лет, не имеющих высшего образования, каждый четвертый занятый получает зарплату ниже МРОТ. Этим российский рынок труда отличается от других стран, где самой уязвимой группой с точки зрения воздействия повышений МЗП становятся младшие возрастные группы (Лукьянова, 2023).

Заключение

Целью настоящей работы являлась систематизация зарубежных и российских научных исследований, посвященных изучению причин и механизмов появления «работающих бедняков», а также роли государственных институтов в смягчении этой проблемы. Наиболее распространенной причиной бедности является отсутствие занятости, то есть недостаточное или сокращающееся количество рабочих мест. Однако наличие работы также само по себе не является полноценной «страховкой» от бедности. Принципиальным вопросом является качество занятости и, прежде всего, уровень оплаты труда. Несмотря на важность наличия работы как фактора, позволяющего избежать бедности, политика по стимулированию занятости сама по себе вряд ли будет эффективна в тех странах, где уровень занятости населения и вовлеченность в занятость домохозяйств традиционно находятся на высоком уровне (к их числу относится и Россия).

Изучение опыта других стран по решению проблемы работающих бедных поможет совершенствованию российской социальной политики. Результаты различных исследований свидетельствуют о том, что наиболее перспективными с точки зрения борьбы с бедностью представляются меры, направленные на сокращение низкооплачиваемой занятости – в особенности с учетом значительных размеров неформального сектора, характерного для многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Однако и в этом случае необходимо учитывать, что, хотя низкооплачиваемая занятость является важным фактором бедности, многие низкооплачиваемые занятые проживают в «небедных» домохозяйствах. Верно и обратное: во многих бедных домохозяйствах нет низкооплачиваемых работников, их бедность объясняется другими, не связанными с рынком труда причинами (прежде всего, составом и размером домохозяйства), и поэтому одно лишь увеличение оплаты труда данной категории занятых никак не поможет домохозяйствам выйти из состояния бедности. Представленный выше анализ свидетельствует о том, что регулирование МЗП может являться одной из эффективных составляющих комплекса мер по борьбе с бедностью. Так, ОЭСР рекомендует повышать МЗП в странах, где МЗП находится на низком уровне, и вводить МЗП на государственном уровне

в тех странах, где произошло снижение роли профсоюзов и падение охвата работников коллективными соглашениями (OECD, 2022). В то же время политика в отношении МЗП должна быть дополнена другими мерами. Улучшение положения бедных домохозяйств в современных условиях должно происходить не столько в рамках политики на рынке труда как таковой, сколько в рамках общеэкономического развития, направленного на повышение производительности труда – за счет улучшения инвестиционного климата и поощрения предпринимательской деятельности, а также внедрения новых технологий и инноваций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова А.Л., Овчарова Л.Н., Шишкин С.В. Бедность и льготы: мифы и реальность. Народная ассамблея, Независимый институт социальной политики, фонд «Институт экономики города». М.: ИИФ «СПРОС» КонфОП, 2003.
2. Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 23–41. DOI:10.19181/snsp.2021.9.4.8603
3. Вишневская Н.Т., Зудина А.А. Массовое высвобождение работников: политика стран ОЭСР // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 7. С. 17–25. DOI:10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25
4. Лукьянова А.Л. Централизация и регионализация минимальных заработных плат: российский опыт // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 86–104. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-86-104
5. Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0607/analit01.php> (дата обращения: 14.03.2025).
6. Работающие бедные в России и за рубежом. Социальный бюллетень. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2017. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/14616.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
7. Разумов А.А., Селиванова О.В. Домохозяйства в зоне риска бедности: региональный аспект // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 2. С. 236–247. DOI:10.19181/lsprr.2022.18.2.8
8. Селиванова О.В., Разумов А.А. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 2. С. 279–296. DOI:10.18334/et.10.2.117385

9. Atkinson A.B. Social Exclusion, Poverty and Unemployment. In: eds. Hills J., Atkinson A. B. Exclusion, Employment and Opportunity. Centre for Analysis of Social Exclusion (CASE). London, London School of Economics and Political Science, 1998. P. 1–20.
10. APPG. In-work poverty report. All Party Parliamentary Group on Poverty. 2022. URL: https://appgpovertyinequality.org.uk/wp-content/uploads/2022/07/APPG_Poverty_in_work_poverty_FINAL.pdf (дата обращения: 06.05.2025).
11. Australian Government. Australian Government Submission to the Fair Work Commission. Annual Wage Review. 2017. URL <https://www.fwc.gov.au/documents/sites/wagereview2017/submissions/ausgovsub.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
12. Cantillon B. The paradox of the social investment state: growth, employment and poverty in the Lisbon Era // Journal of European Social Policy. 2011. Vol. 21(5). P. 432–449. DOI:10.1177/09589287114188
13. Carcillo S., Huillery É., L’Horty, Y. Preventing Poverty Through Employment, Education and Mobility. Notes du conseil d’analyse économique. 2017. Vol. 40(4). P. 1–12. <https://shs.cairn.info/journal-notes-du-conseil-d-analyse-economique-2017-4-page-1?lang=en> (дата обращения: 06.05.2025).
14. Cazes S., Garner A. Minimum wages in times of high inflation // The Center for Economic and Policy Research (CEPR). 2023. VoxEU Column. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/minimum-wages-times-high-inflation> (дата обращения: 14.03.2025).
15. Eberts R., Giguère S. Effects of Decentralisation and Flexibility of Active Labour Market Policy on Country-Level Employment Rates. In: eds. Giguère S., Froy F. Flexible Policy for More and Better Jobs. Local Economic and Employment Development (LEED) OECD report. Paris, OECD Publishing, 2009. P. 59–72. DOI:10.1787/9789264059528-en
16. Eurofound. In-work poverty in the EU. Luxembourg, Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2017/work-poverty-eu> (дата обращения: 06.05.2025).
17. Frazer H., Marlier E. In-work poverty and labour market segmentation in the EU: Key lessons. EU Network of Independent Experts on Social Inclusion. Synthesis Report. 2010. URL: <https://liser.elsevierpure.com/en/publications/in-work-poverty-and-labour-market-segmentation-in-the-eu> (дата обращения: 14.03.2025).
18. Gindling T.H. Does increasing the minimum wage reduce poverty in developing countries // IZA World of Labor. 2018. No. 30. DOI:10.15185/izawol.30.v2
19. Herman E. Working poverty in the European Union and its main determinants: an empirical analysis // Engineering Economics. 2014. Vol. 25(4). P. 427–436. DOI:10.5755/j01.ee.25.4.6339
20. Hick R., Marx I. Poor Workers in rich democracies: On the nature of in-work poverty and its relationship to labour market policies // IZA Discussion Paper Series. 2022. IZA DP No. 15163. URL: <https://docs.iza.org/dp15163.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

21. ILO. Global Wage Report 2020-21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19 // International Labour Office. Geneva, ILO. 2020. URL: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/global-wage-report-2020-21-wages-and-minimum-wages-time-covid-19> (дата обращения: 14.03.2025).
22. Jara Tamayo H.X., Popova D. Second Earners and In-Work Poverty in Europe // Journal of Social Policy. 2021. Vol. 50(3). P. 470–492. DOI:10.1017/S004727942000022
23. Knabe A., Schöb R. Minimum wages and their alternatives: A critical assessment // German Politics. 2011. Vol. 20(4). P. 506–526. DOI:10.1080/09644008.2011.606316
24. Leigh A. Does raising the minimum wage help the poor? // The Economic Record. 2007. Vol. 83(263). P. 432–445. DOI:10.1111/j.1475-4932.2007.00432.x
25. Lucifora C., McKnight A., Salverda W. Low-wage employment in Europe: A review of the evidence // Socio-Economic Review. 2005. Vol. 3(2). P. 259–292. DOI:10.1093/SER/mwi011
26. Lustig N., McLeod D. Minimum wages and poverty in developing countries: Some empirical evidence. In: eds. Edwards S., Lustig N. Labor Markets in Latin America: Combining Social Protection with Market Flexibility. Washington, DC, Brookings Institution, 1997. P. 62–103.
27. Maître B., Nolan B., Whelan C. Low pay, in-work poverty and economic vulnerability. In: eds. Lohmann H., Marx I. Handbook of In-Work Poverty. Massachusetts, Edward Elgar Publishing, 2018. P. 124–145.
28. Maloney T., Pacheco G. Assessing the possible antipoverty effects of recent rises in age-specific minimum wages in New Zealand // The Review of Income and Wealth. 2012. Vol. 58(4). P. 648–674. DOI:10.1111/j.1475-4991.2012.00513.x
29. Marx I., Marchal S., Nolan B. Mind the gap: Net incomes of minimum wage workers in the EU and the US. In: eds. Marx I., Nelson K. Minimum Income Protection in Flux. Hampshire, Palgrave, 2013. P. 54–80.
30. McKnight A., Stewart K., Mohun Himmelweit S., Palillo M. Low pay and in-work poverty: preventative measures and preventative approaches // European Commission Evidence Review. Luxembourg, Publications Office of the European Union. 2016. URL: <https://www.lse.ac.uk/business/consulting/assets/documents/Low-Pay-and-In-Work-Poverty.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
31. Metcalf D. The low pay commission and the national minimum wage // Economic Journal. 1999. No. 109. P. F46–F66. URL: <https://www.jstor.org/stable/2565585> (дата обращения: 14.03.2025).
32. Müller K.-U., Steiner V. Would a legal minimum wage reduce poverty? A micro-simulation study for Germany // Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA). IZA Discussion Paper Series. 2008. IZA DP No. 3491. URL: <https://www.iza.org/publications/dp3491/would-a-legal-minimum-wage-reduce-poverty-a-micro-simulation-study-for-germany> (дата обращения: 14.03.2025).

33. Neumark D., Cunningham W., Siga L. The distributional effects of minimum wages in Brazil: 1996–2001 // Public Policy Institute of California Working Paper. 2003. No. 2003.23. PPIC, San Francisco, CA.
34. Neumark D. Employment effects of minimum wages // IZA World of Labor. 2014. URL: <https://wol.iza.org/uploads/articles/6/pdfs/employment-effects-of-minimum-wages.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).
35. Neumark D., Shirley P. Myth or measurement: What does the new minimum wage research say about minimum wages and job loss in the United States? // Industrial Relations. 2022. Vol. 61(4). P. 384–417. DOI:10.1111/irel.12306
36. OECD. In-work poverty: What can governments do? // OECD Policy Brief. 2009.
37. OECD. Fighting poverty at work // OECD Observer. 2009a. Vol. 2009(3) (Employment Ministerial Issue. No. 274. P. 13–14. Paris, OECD Publishing. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-observer/volume-2009/issue-3_observer-v2009-3-en.html (дата обращения: 06.05.2025)).
38. OECD. OECD Employment Outlook 2022: Building back more inclusive labour markets. Paris, OECD Publishing. 2022. DOI:10.1787/1bb305a6-en
39. UN. Report on the world social situation 2010: Rethinking poverty. Labour-market and social policies and poverty reduction. UN. 2010. DOI:10.18356/411178ef-en
40. Stigler G.J. The economics of minimum wage legislation // American Economic Review. 1946. No. 36. P. 358–365.
41. Sutherland H. The national minimum wage and in-work poverty // Department of Applied Economics Working Paper. 2001. No. MU0102. University of Cambridge, Faculty of Economics.
42. World Bank. World Development Report 1990. Washington, D.C., World Bank, 1990.
43. Wooden M., Wilkins R., McGuinness S. Minimum wages and the “working poor” // Economic Papers. 2007. Vol. 26(4). P. 295–307.

REFERENCES

1. Alexandrova, A.L., Ovcharova, L.N., and Shishkin, S.V. (2003) *Poverty and benefits: Myths and reality*. ‘Public Assembly’ (Narodnaya Assambleya), Independent Institute for Social Policy, Institute for Urban Economics Foundation. Moscow: IIF ‘SPROS’: ConfOP. (In Russian).
2. Anikin, V.A., and Slobodenyuk, E.D. (2021) ‘In-work poverty in Russia: how determinants have changed over the 20 years?’, *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 9(4), pp. 23–41. (In Russian). DOI:10.19181/snsp.2021.9.4.8603

3. APPG (2022) ‘In-work poverty report’, *All Party Parliamentary Group on Poverty*. Available at: https://appgpovertyinequality.org.uk/wp-content/uploads/2022/07/APPG_Poverty_in_work_poverty_FINAL.pdf (accessed 06 May 2025).
4. Atkinson, A.B. (1998) ‘Social exclusion, poverty and unemployment’, in: J., Hills, A.B., Atkinson (eds.) *Exclusion, Employment and Opportunity*. Centre for Analysis of Social Exclusion (CASE). London: London School of Economics and Political Science, pp. 1–20.
5. Australian Government (2017) ‘Australian government submission to the fair work commission’, *Annual Wage Review*. Available at: <https://www.fwc.gov.au/documents/sites/wagereview2017/submissions/ausgovsub.pdf> (accessed 14 March 2025).
6. Cantillon, B. (2011) ‘The paradox of the social investment state: growth, employment and poverty in the Lisbon Era’, *Journal of European Social Policy*, 21(5), pp. 432–449. DOI:10.1177/09589287114188
7. Carcillo, S., Huillery, É., and L’Horty, Y. (2017) ‘Preventing Poverty Through Employment, Education and Mobility’, *Notes du conseil d’analyse économique*, 40(4), pp. 1–12. Available at: <https://shs.cairn.info/journal-notes-du-conseil-d-analyse-economique-2017-4-page-1?lang=en> (accessed 06 May 2025).
8. Cazes, S., and Garnero, A. (2023) ‘Minimum wages in times of high inflation’, *The Center for Economic and Policy Research (CEPR)*, VoxEU Column. Available at: <https://cepr.org/voxeu/columns/minimum-wages-times-high-inflation> (accessed 14 March 2025).
9. Eberts, R., and Giguère, S. (2009) ‘Effects of decentralisation and flexibility of active labour market policy on country-level employment rates’, in: S. Giguère, F. Froy (eds.) *Flexible Policy for More and Better Jobs*. Local Economic and Employment Development (LEED) OECD report. Paris: OECD Publishing, pp. 59–72. DOI:10.1787/9789264059528-en
10. Eurofound (2017) ‘In-work poverty in the EU’. *Publications Office of the European Union*. Luxembourg. Available at: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2017/work-poverty-eu> (accessed 06 May 2025).
11. Frazer, H., and Marlier, E. (2010) ‘In-work poverty and labour market segmentation in the EU: Key Lessons’, *EU Network of Independent Experts on Social Inclusion*, Synthesis Report. Available at: <https://liser.elsevierpure.com/en/publications/in-work-poverty-and-labour-market-segmentation-in-the-eu> (accessed 14 March 2025).
12. Gindling, T.H. (2018) ‘Does increasing the minimum wage reduce poverty in developing countries’, *IZA World of Labor*, (30). DOI:10.15185/izawol.30.v2
13. Herman, E. (2014) ‘Working poverty in the European Union and its main determinants: an empirical analysis’, *Engineering Economics*, 25 (4), pp. 427–436. DOI:10.5755/j01.ee.25.4.6339

14. Hick, R., and Marx, I. (2022) 'Poor workers in rich democracies: on the nature of in-work poverty and its relationship to labour market policies', *IZA Discussion Paper Series*, IZA DP No. 15163. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA). Available at: <https://docs.iza.org/dp15163.pdf> (accessed 14 March 2025).
15. ILO (2020) 'Global Wage Report 2020-21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19', *International Labour Office*. Geneva: ILO. Available at: <https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/global-wage-report-2020-21-wages-and-minimum-wages-time-covid-19> (accessed at 14 March 2025).
16. Jara Tamayo, H.X., and Popova, D. (2021) 'Second earners and in-work poverty in Europe', *Journal of Social Policy*, 50(3), pp. 470–492. DOI:10.1017/S004727942000022
17. Knabe, A., and Schöb, R. (2011) 'Minimum wages and their alternatives: a critical assessment', *German Politics*, 20(4), pp. 506–526. DOI:10.1080/09644008.2011.606316
18. Leigh, A. (2007) 'Does raising the minimum wage help the poor?', *The Economic Record*, 83(263), pp. 432–445. DOI:10.1111/j.1475-4932.2007.00432.x
19. Lucifora, C., McKnight, A., and Salverda, W. (2005) 'Low-wage employment in Europe: a review of the evidence', *Socio-Economic Review*, 3(2), pp. 259–292. DOI:10.1093/SER/mwi011
20. Lukyanova, A.L. (2023) 'Centralization and regionalization of minimum wages: Evidence from Russia', *Voprosy Ekonomiki*, (1), pp. 86–104. (In Russian). DOI:10.32609/0042-8736-2023-1-86-104
21. Lustig, N., and McLeod, D. (1997) 'Minimum wages and poverty in developing countries: Some empirical evidence', in: S. Edwards, N. Lustig (eds.) *Labor Markets in Latin America: Combining Social Protection with Market Flexibility*. Washington, DC: Brookings Institution, pp. 62–103.
22. Maître, B., Nolan, B., and Whelan, C. (2018) 'Low pay, in-work poverty and economic vulnerability', in: H. Lohmann, I. Marx (eds.) *Handbook of In-Work Poverty*. Massachusetts: Edward Elgar Publishing, pp. 124–145.
23. Maloney, T., and Pacheco, G. (2012) 'Assessing the possible antipoverty effects of recent rises in age-specific minimum wages in New Zealand', *The Review of Income and Wealth*, 58(4), pp. 648–674. DOI:10.1111/j.1475-4991.2012.00513.x
24. Marx, I., Marchal, S., and Nolan, B. (2013) 'Mind the gap: Net incomes of minimum wage workers in the EU and the US', in: I., Marx, K., Hampshire (eds.) *Minimum Income Protection in Flux*. Palgrave, pp. 54–80.
25. McKnight, A., Stewart, K., Mohun Himmelweit, S., and Palillo, M. (2016) 'Low pay and in-work poverty: preventative measures and preventative approaches', *European Commission Evidence Review*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Available at: <https://www.lse.ac.uk/business/consulting/assets/documents/Low-Pay-and-In-Work-Poverty.pdf> (accessed 14 March 2025).

26. Metcalf, D. (1999) 'The low pay commission and the national minimum wage', *Economic Journal*, 109, pp. F46–F66. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2565585> (accessed 14 March 2025).
27. Müller, K.-U., and Steiner, V. (2008) 'Would a legal minimum wage reduce poverty? A microsimulation study for Germany', *IZA Discussion Paper Series*, IZA DP No. 3491. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA). Available at: <https://www.iza.org/publications/dp/3491/would-a-legal-minimum-wage-reduce-poverty-a-micro-simulation-study-for-germany> (accessed 14 March 2025).
28. Neumark, D. (2014) 'Employment effects of minimum wages', *IZA World of Labor*. Available at: <https://wol.iza.org/uploads/articles/6/pdfs/employment-effects-of-minimum-wages.pdf> (accessed 14 March 2025).
29. Neumark, D., Cunningham, W., and Siga, L. (2003) 'The distributional effects of minimum wages in Brazil: 1996–2001', *Public Policy Institute of California Working Paper*, 2003.23. PPIC, San Francisco, CA.
30. Neumark, D., and Shirley, P. (2022) 'Myth or measurement: What does the new minimum wage research say about minimum wages and job loss in the United States?', *Industrial Relations*, 61(4), pp. 384–417. DOI:10.1111/irel.12306
31. OECD (2009) 'In-work poverty: What can governments do?', *OECD Policy Brief*. Paris: OECD Publishing.
32. OECD (2009a) 'Fighting poverty at work', *OECD Observer*, (3) (Employment Ministerial Issue 274), pp. 13–14. Paris: OECD Publishing. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-observer/volume-2009/issue-3_observer-v2009-3-en.html (accessed 06 May 2025).
33. OECD (2022) *OECD Employment Outlook 2022: Building Back More Inclusive Labour Markets*. Paris: OECD Publishing. DOI:10.1787/1bb305a6-en
34. Ovcharova, L. (2012) 'Theoretical and methodological issues of defining and measuring poverty', *SPERO. Social policy: Expertise, Recommendations, Overviews*, (16), pp. 15–38. (In Russian). Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0607/analit01.php> (accessed 14 March 2025).
35. Razumov, A.A., and Selivanova, O.V. (2022) 'Households at risk of poverty: Regional aspect', *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 18(2), pp. 236–247. (In Russian). DOI:10.19181/lsprr.2022.18.2.8
36. Selivanova, O.V., and Razumov, A.A. (2023) 'Working poverty: Main trends and regional experience to reduce its level', *Russian Journal of Labour Economics*, 10(2), pp. 279–296. (In Russian). DOI:10.18334/et.10.2.117385
37. Stigler, G.J. (1946) 'The economics of minimum wage legislation', *American Economic Review*, (36), pp. 358–365.
38. Sutherland, H. (2001) 'The national minimum wage and in-work poverty', *Department of Applied Economics Working Paper*, MU0102, University of Cambridge, Faculty of Economics.

39. UN (2010) ‘Report on the world social situation 2010: Rethinking poverty’, *Labour-market and social policies and poverty reduction*. UN. DOI:10.18356/411178ef-en
40. Vishnevskaya, N., and Zudina, A. (2020) ‘Worker displacement: OECD policies’, *World Economy and International Relations*, 64(7), pp. 17–25. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25
41. Wooden, M., Wilkins, R., and McGuinnes, S. (2007) ‘Minimum wages and the “working poor”’, *Economic Papers*, 26 (4), pp. 295–307.
42. Working poor in Russia and beyond (2017) *Social bulletin. Analytical Center under the Government of the Russian Federation*. (In Russian). Available at: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/14616.pdf> (accessed 14 March 2025).
43. World Bank (1990) *World Development Report 1990*. Washington, D.C.: World Bank.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 28.04.2025;
принята к публикации 04.06.2025.